

2207 Ветер над зеленой травой

Майский ветер, смешавший утреннюю прозрачную прохладу с теплым уже ощутимым полднем теплом, сменяющий свою затаенную нежность внезапной порывистостью, то ласково, то озорно дующий в смеющееся лицо ребенка — майский ветер пронесется в эти дни над планетой. Майский ветер — это весть о продолжении жизни на земле. Жизни бурлящих горных потоков и равнинных неспешных рек. Жизни витой виноградной лозы и распрямленной, словно парящей в воздухе, березы. Жизни безмятежной лесной тропы и бессонно гудящей городской магистрали. Это продолжение нашей жизни, идущий рядом со мной Человек. Майский ветер летит навстречу мне и тебе, и ты обернись, провожая взглядом уносимое им облако. Обернись и вспомни: твоя душа всегда, с самого раннего детства с неодолимым нетерпением ждала этой поры. Предчувствие чуда, пожалуй, не меньшего, чем новогоднее, трепетало близко-близко от сердца, стоило только прикоснуться к губам короткому и радостному слову: Май!

Так обернись вслед плывущему над тобой облаку, Человек. Обернись — и разгляди в российской глубинке, в негромком совхозе, в одном из сел, каких много не только в Поволжье, но и по всей стране, разгляди судьбу женщины. Судьбу, интересную уже тем, что сливается она с миллионами женских судеб — с миллионами тех, кто встретился с войной, не успев проститься со школьными учебниками. Мало ли их было, девочек, хрупких подростков, взявших в тыловых селах вместе со сверстницами на свои неокрепшие еще плечи тяжелую мужскую работу! Где нынче те кое-как отремонтированные трактора, которые с трудом подавались усилиям худеньких девчоночьих рук? Какими хлебами возшло от неотборное зерно, что четырехпудовыми мешками гбило полудетские спины? В какие надежды и радости перевоплотились те слезы по ночам — от голода, от того, что нестерпимо ноет все тело, от того, что распухшими пальцами трудно пошевелить, от того, наконец, что никто не ответит на вопрос, мучающий тебя: когда придет Победа?..

Ты, девочка восьмидесятых, окончивающая школу, или ПТУ, или техникум, ты, нынешняя Даша, Катя или Марина, вглядываясь в домашнее зеркало, чтобы поправить челку, рассмотри, как в его затуманившейся глубине сквозь твое лицо проступает лицо твоей сверстницы из сороковых. Между вами, неожиданно сближенными, — четыре десятилетия. Но и та, далекая, носила почти такую же челку. Но и у той далекой было когда-то свое самое любимое платье, были самые любимые книги, был мир, так внезапно разрушенный врагом. И ты, нынешняя, попробуй на миг представить, как трудно потерять то, что, казалось бы, навсегда стало твоим. Как трудно было выжить, как трудно — не сломиться, не надорваться, не отчаяться. Ты выходишь из дома легкая, красивая, приветливая, — потому что не бывает некрасивых девочек в твоем возрасте! — и я смотрю тебе вслед с нежностью и любовью, я — связующее звено между вами двумя: той смешливой и безозубой девчонкой в рваной, лоснящейся от мазута фуфайке, и тобой — одетой в модные брючки, свитер и светлую курточку, тобой, такой же смысленной и смешливой, как и она...

К тебе, но и к ней, к ней, к ней обращаюсь я снова и снова мыслями своими, своей памятью, своими стихами. О ней — о ее военной и теперешней судьбе — написала у меня несколько лет назад маленькая поэма «Дарьин день». Я и сейчас вижу, как, разглаголивая ладонью белоснежную скатерть на столе, ведет она (назову ее Дарьей Семеновной) разговор со мной.

— Не жалеете, — спрашиваю, — что детей город к себе позвал? Может быть, и вам следом — в горожанки?

Задумалась она и так ответила мне:

— Всю жизнь провела я на селе и до сих пор в совхозе работаю. Самая обыкновенная деревенская женщина. Жалею ли о детях? Конечно, жалею. Вот сейчас у нас целый животноводческий комплекс строится, молодежь после школы в совхозе остается, и квартиры дают. Были бы мои тут, рядышком — нам с отцом лучшего и не надо бы...

Но теперь уж оба — и сын, и дочь — выучились, образование получили и работой довольны. И свои малыши у них растут. Скучаю, конечно, о них обо всех — спасу нет...

Вглядываюсь в ее лицо, вглядываюсь, чтобы потом увидеть этот же свет доброты, долготерпения, мужества в лицах тысяч и тысяч людей ее поколения, и фамилию не называю — Дарья Семеновна, да Марья Ивановна, да Анны Петровны, да еще десятка три имен и отчеств привести можно, а судьбы у всех — похожи. И красивы они все особенной, не поддающейся годам красотой.

...Ах, как загадочно Дарья красна!
Дарья Семеновна, как понимать:
Вас ли под корень война не косила
И не над Вами ли плакала мать?
С этой вот пыльной, степной, перепаханной,
С этой землей неразрывно срослось
Все, что сработано, все, что исплачено,
Все, что задумано, все, что сбилось.
Солнцем нагрета тропа.
Август ступает, по травам звеня.
Соном налитая ягода клонится
В звонкой истоме прозрачного дня.
Сколько запомнила женских имен она,
Прячась от глаза в зеленую тень...
Здравствуй, Семеновна!
Как ты, Семеновна!
Добрым ли выдался
Нынешний день?..

...Нынешний день ставит их рядом — двух женщин, две судьбы, чьи дороги сорок с лишним лет назад были начаты Великой Отечественной войной. И если о первой судьбе я только что попыталась рассказать, то от лица второй — той, которая «ушла из детства в грязную теплушку, в эшелон пехоты, в санитарный взвод», от лица той — тех девонок-санструкторов, рядовых войны — взволнованно обращается к нам поэтесса Юлия Друнина. Я перечитываю ее строки, и каждый раз встают передо мной светлокосые солдаты — сколько их не вернулось домой, сколько осталось подчас безмятежно лежать в нашей и чужой земле... Долети до каждого пригорка, майский ветер, тронь каждую пробудившуюся травинку на весенней луговине,

назови по имени каждую девушку, подхвати приглушенный голос, доносящийся к нам из памятного сорок второго: Mamal Mamal Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,
Девушка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.
Юлия Друнина. Ее стихи звучат на школьных вечерах и молодежных диспутах. У нее берут автографы благодарные читатели. Благодарные — память человеческая не умирает и даже не ослабеваает, но, наоборот, и в мирные дни, в дни созидания рождает она отклик благодарности в наших сердцах. Мир — это всегда благодарность:
Мы счастливые, конечно, люди:
Встретили победную зарю!
Думаю об этом, как о чуде,
Сотни раз судьбу благодарю...
Ну, а те, кто не дошел до Мая,
Кто упал, поднявшись в полный рост?..
Первый тост за павших поднимаю,
И за них же наш последний тост...
Юлия Друнина. Вот она идет по сцене к микрофону — спокойный, мягкий профиль, светлые, пшеничного отлива волосы широкой волной спадают на отложной воротничок бархатного жакета. По-молодому стройная, женственная, она привыкла встречать недоуменные взгляды: кто-то невольно подсчитывает, сколько ей могло быть в сорок первом, кто-то с восхищенной завистью покачивает головой. А кто-то и просто замирает, вслушиваясь в читаемое ею... И я стараюсь представить ее там, откуда не пришли многие, и я дорисовываю в воображении облик молодой студентки Литературного института, приходившей на свои первые лекции (только что из госпиталя!) с перебинтованной головой и в протертой на локтях шинели, и я повторяю ее стихи о первой любви, о новорожденной дочке, о сложностях послевоенной жизни... Я повторяю ее стихи — и мне часто кажется, что женский характер раскрывается тем полнее, чем больше осмысления себя в жизни и жизни в себе достаются каждой из нас, чем больше преодоления трудностей выпадают нам на долю. Поразительны жизненная сила, жизнелюбие, жизненный

тонус Юлии Друниной. А ведь, помимо стихов, командировок, выступлений, те же хлопоты, что и у любой из нас: семья, быт, дети... Да мало ли хлопот набирается у женщины?

Но вот идет она — Женщина, победившая войну, — идет по Родине, по весне, по Маю, идет праздничная, обаятельная, счастливая трудом и любовью, и взрослая дочь кажется ее младшей сестрой. Как ни вспомнить, ни повторить тут друнинское:

Ах, какая все-таки сила
Скрыта в тех, кто испытан войной!

Две судьбы, две грани минувшей войны. Две судьбы, вершимые параллельно в наши дни. А может, одна большая судьба? Ведь одна у нас страна, одно время — словом, одна жизнь. И общие испытания в ней, причем такие, как война. Тоже одна на всех. На миллионы нас. На рожденных спустя много лет после ее окончания и на нерожденных пока еще. Но и для нас, и для тех, кто моложе, и для тех, кто мал все — Май есть и будет существовать в сознании как соседство Весны и Победы, Весны и Труда, Весны и Мира.

А майский ветер — он горчит едва распуштившимися березовыми листьями, он шумит молодой зеленью сирени в сквере у Большого театра в Москве, где в эти дни собираются ветераны отгремевшего лихолетья. Музыка, музыка гремит на московских улицах. Музыка, музыка теснится в распахнутых окнах домов. Музыка, музыка расправляет крылья в летящих полотнищах знамен. Музыка, музыка, музыка... Сквер у Большого театра. И сердце сжимается от того, что тех, кто пришел посмотреть на встречу ныне сплошь седых фронтовиков, во много раз больше, чем самих бывших солдат...

Без вас будет пусто на свете,
когда достопамятным днем мы — послевоенные дети — к Большому театру придем.
Весенний, счастливый, прекрасный тот праздник нас будет кружить...
И все-таки, все-таки страшно до этого мая дожить.
Так написал об этом Геннадий Красников, поэт поколения, которое узнавало о войне

лишь по рассказам. Того поколения, для которого мои ровесники, в цепкой детской памяти удержавшие навсегда колледж, голод, сиротство «сороковых-роковых», стали соединяющей струной с поколением ветеранов войны. Общая память связывает всех нас. Память рода человеческого. Она продолжена в жизненную даль конкретными делами всего народа и каждого человека. Она жива и в книгах талантливых молодых поэтов восьмидесятых годов. Геннадий Красников, Николай Дмитриев, Юрий Поляков... Традиционно ограничусь тремя из многих, из тех многих и многих, рядом с которыми я чувствую себя уверенней и спокойней, рядом с которыми мне вольнее дышится и отрадней работает, особенно, когда находят меня их стихи — все более зрелые раздумья о сущности земного бытия и о войне, о вечно мятущейся человеческой душе, о любимых. Мне близки, созвучны стихи Юрия Полякова в его «Ответе фронтовику»:

И мы разобратся обязаны сами
в той боли, что мир перенес...
Конечно, мы смотрим другими глазами —
Таковыми же, Полными слез!

Не случайно на майских транспарантах пишем мы рядом со словом «Май» — и два других выстраданных нами слова: «Труд» и «Мир». И все три эти слова звучат для нас однозначно. Они горят на ветру. Вслушайся, идущий рядом со мной Человек, вслушайся: это сам майский ветер сейчас говорит с тобой. Обернись вслед скользящему над землей облаку, вспомни тех, кто встречал этот праздник до тебя, кто мог бы дожить, но не дожил до сегодняшнего Мая. Продолжай свой путь, задумайся о тех, кто будет встречать Май без нас — после нас. Это для них мы должны сохранить праздник Весны и Победы, Весны и Труда, Весны и Мира. Это для них мы должны сохранить нашу Землю. Чтобы всегда летел над ней, лукаво холода открытые детские лица и подгоняя перед собой невесомое облако нашей памяти, майский ветер. Ветер Победы. Ветер Мира. Ветер Любви.

Татьяна КУЗОВЛЕВА.